

Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь?

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

Выражение «догоняющее развитие» имеет смысл только при признании «однолинейности» исторического развития вообще. Но идее «однолинейности» («плоской однолинейности»), обязательно добавит ангажированный оппонент) неизменно противостоит идея «рядоположенности» цивилизаций или культур — идея, думаю, еще более древняя, чем геоцентрическая модель мира, но и сегодня имеющая немалое число сторонников и защитников.

Я понимаю развитие России на протяжении нескольких последних столетий именно как догоняющее. Соответственно и мой доклад — попытка усилить аргументацию в пользу «линейной модели» развития.

Догоняющее развитие и социокультурный отбор

Не будем уходить слишком далеко в историю, ограничимся лишь тем ее куском, который непосредственно примыкает к интересующему нас времени догоняющего развития России, и рассмотрим его в очень схематизированном виде.

Где-то в середине второго тысячелетия нашей эры после столетий агонии Римской империи, на ее развалинах, стали возникать новые европейские общества, которые не просто выживали в условиях распада античной цивилизации и ее разграбления варварами, но были уже способны к саморазвитию на новой основе. Эта основа включала в себя новые социальные слои (прежде всего крестьянство), феодальную собственность на землю, крепостное право, христианство как основную религиозную систему, монастыри и многое другое. Все это было системно увязано одно с другим, что и создавало возможности эволюционного развития.

Всякое развитие — это усложнение системы, ее внутренняя дифференциация, рост разнообразия. Развиваясь, европейские средневековые общества создали ту «цветущую сложность», которая так восхищала К. Леонтьева. Идет ли речь о производственных процессах или бытовых особенностях, политических формах или правилах наследования, Средневековье поражает огромным разнообразием локальных культур, обычаев, норм, костюмов, церемониалов, детализацией правил общежития и т. д. Все это разнообразие жизненно необходимо для структурирования общества, выполняет важные социальные функции («китайские церемонии»). Но в основе лежат адаптивные формы, диктующиеся

конкретными условиями жизни, «ржаным полем» или «финиковой пальмой», как писал Глеб Успенский, или «месторазвитием», по выражению более поздних теоретиков.

Механизм формирования «цветущей сложности» — отбор более эффективных форм, правил, процедур и т. п. Мне уже приходилось писать о роли этого механизма [Вишневский 1986], но это было давно, и я позволю себе повториться. Ведь это только гелиоцентрическая модель мира, кажется, уже не вызывает ничьих возражений; даже извинились перед Галилеем — с некоторым, правда, опозданием. А вот идея дарвиновского отбора не всем еще по душе в нашем как бы полусредневековье. Между тем именно в рамках дарвиновской теории эволюции впервые сформировалось представление об отборе как об основном механизме самоорганизации и саморазвития сложных систем.

Сейчас этот механизм все чаще понимается как универсальный, действующий также и на добиологическом (скажем, в работах М. Эйгена по теории самоорганизации макромолекул [Эйген 1973]), и на постбиологическом, социальном (например, в исследованиях по теории культуры Э. Маркаряна) уровнях развития материи. «Определенные звенья культурной традиции выполняют в принципе такие же селективные стабилизирующие и направляющие функции, какие в процессах биологической эволюции выполняет естественный отбор», — полагает Маркарян [Маркарян 1983, с. 158].

В качестве объекта социального отбора выступают широко понимаемые способы деятельности людей, ее социально задаваемые программы. Стало быть, социальный отбор — это в значительной степени отбор социокультурный.

В обществе, как и в природе, отбор выполняет две основные функции — движущую и стабилизирующую. «Если движущая или ведущая форма отбора идет на основе селекционного преимущества некоторых отклонений перед прежней "нормой" и ведет к установлению новой "нормы", то стабилизирующая форма отбора покоится на селекционном преимуществе установившейся дефинитивной нормы перед всеми от нее отклонениями» [Шмальгаузен 1968, с. 10]. Эта мысль, призванная объяснить эволюцию живых организмов в природе, вполне применима к объяснению изменений культурной традиции и ее элементов. Как отмечал И. Шмальгаузен, если живой организм приспособлен к условиям существования и эти условия сохраняются в общем неизменными, то структура и свойства организма могут не меняться на протяжении геологических периодов. То же относится и к культурным структурам. Если они приспособлены к условиям существования людей и эти условия относительно мало меняются, то отбор препятствует культурным инновациям и направлен прежде всего на поддержание социокультурного status quo. Поэтому хорошо адаптированные локальные формы жизни остаются неизменными на протяжении если и не геологических периодов, то достаточно долгих отрезков человеческой истории.

Если же условия существования людей и соответственно условия выполнения каких-либо жизненно важных социальных функций сильно меняются, то меняются и задачи отбора. Теперь он должен не сохранять устойчивость имеющихся форм, а как можно эффективнее отсеивать их устаревшие, архаичные варианты и расчищать место для массового распространения культурных инноваций, более соответствующих новым экономическим и социальным требованиям жизни.

Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь?

В разные эпохи человеческой истории роль различных типов социального отбора неодинакова. На протяжении более или менее длительных периодов существования зрелых социально-экономических систем (например, западноевропейского феодализма), в которых медленное накопление количественных изменений до поры до времени не приводит к коренным качественным изменениям, преобладающую роль играет стабилизирующий отбор, охраняющий сложившиеся формы социальной организации, осуждающий любые отклонения от них как ересь, грех, правонарушение, не давая им тем самым превратиться в культурную норму.

Лишь в относительно редкие переломные моменты истории приобретает размах и достигает успеха деятельность, идущая вразрез с господствующими культурными нормами. Это бывает тогда, когда под влиянием необратимых исторических изменений в условиях существования те или иные установки культуры перестают соответствовать новым условиям и возникает объективная необходимость их замены или трансформации. Тогда-то и выходит на первый план направленный социокультурный отбор.

Ничто не ново под луной, и стабилизирующий и движущий отбор имеют дело с огромным запасом всегда имеющегося. Все дело в том, какие виды деятельности, способы действия, идеологемы, формы отношений и поведения оказываются наиболее эффективными в данных конкретных обстоятельствах и потому перемещаются в центр культурно-нормативной системы, оттесняя ее менее эффективные элементы на ее периферию. Но и оттесненные, они не исчезают, просто поле их распространения резко суживается. А бывает, что они внезапно вытаскиваются из нафталина, преподносятся как нечто новое и оригинальное, поднимаются на щит во время попыток восстановить старый порядок вещей (заканчивающихся, в лучшем случае, кратковременным успехом).

Возьмем, к примеру, демографическое поведение — наиболее знакомую мне область. Противозачаточные средства так же, как и способы плодизгнания, известны людям с незапамятных времен, и всегда существовала практика, по большей части тайная, применения и того, и другого. Но она всегда рассматривалась как социальная аномалия, таилась на задворках жизни, запрещалась и преследовалась религиозными и светскими законами, осуждалась моралью и т. д. Культурно-санкционированным было массовое поведение, исключавшее какое бы то ни было сознательное вмешательство людей в производство собственного потомства. В условиях высокой смертности прошлых эпох в этом был глубокий смысл, сформированные культурным отбором правила демографического поведения были эффективными.

Когда же смертность стала снижаться, прежние строгие запреты утратили смысл, зато эффективными и востребованными оказались прежде запретные формы поведения. Более того, очень скоро как раз они стали преобладающими и были усовершенствованы с использованием новых знаний и технологий, тогда как недавнее, не признающее намеренного ограничения деторождения материнство, попало в положение маргинальной, мало кому понятной, часто не одобряемой формы поведения. Время от времени в разных странах можно наблюдать попытки восстановить — иногда даже силой — былое неприятие свободы прокреативного выбора, но там, где эта свобода уже утвердилась, сколько-нибудь заметного влияния на реальное поведение людей они ни оказывают.

Социокультурный отбор и социокультурная интеграция

Вначале механизмы отбора изменяют ситуацию на локальном уровне, но рано или поздно их действие распространяется на все взаимодействующие и конкурирующие группы людей и ведет к *социокультурной интеграции* все более крупных сообществ. Интегрирующее воздействие — очень важное свойство социокультурного отбора.

Местные правила и обычаи приспособлены именно к данному месту. Но по мере развития наряду с локальными появляются универсально-эффективные способы поведения и институциональные формы, которые получают шанс на более широкое распространение. Не удивительно, что значение таких форм возрастает с развитием торговли, ремесла, городов, т. е. по мере того, как ограничивается системообразующая роль сельского хозяйства, особенно сильно зависящего от местных условий. Земледелец с Русской равнины едва ли много получит, заимствуя опыт земледельца Аравийского полуострова. Но европейский ремесленник или торговец мог многому научиться и у арабов, и у турок, и даже у далеких китайцев. А уж военные только тем и живут, что выслеживают чужие нововведения.

Кроме того, отбор, конечно, ускоряется по мере учащения контактов, развития путей сообщения, средств связи и пр.

Более универсальные, пригодные для повсеместного использования способы организации, институциональные формы и т. п., такие, например, как города, разделение труда, ремесленные цехи, промышленные технологии, рынок, деньги, новые виды вооружения и т. п. — становятся источником заимствований, которые обрезают менее эффективные местные формы на отмирание.

Что служит критерием эффективности? То, что считается или ощущается эффективным «участниками соревнования» (например, то, что дает большее богатство, большую военную силу). Кто ошибается, тот выбывает из игры. В конечном счете, не будет преувеличением сказать: появление новых, более эффективных экономических, политических и иных форм не оставляет носителям менее эффективных форм никакого выбора. Они должны либо воспринять новые нормы и новые институциональные формы, либо погибнуть.

Один из наиболее ярких примеров интегрирующего эффекта социокультурного отбора — возникновение мировых религий. Вот против чего должны были бы протестовать нынешние антиглобалисты! Население огромных территорий, жившее по своим местным правилам, под защитой местных богов, включается в единую культурно-нормативную систему христианства или ислама, сбрасывает в бездну своих Перунов и начинает жить по новым законам, которые столетиями доказывают свое превосходство над прежними, языческими.

Стоит ли удивляться, что дело не кончается воцарением мировых религий? Рано или поздно возникают еще более универсальные формы деятельности, и обособление даже очень крупных, но все же региональных систем теряет свой, некогда очень глубокий, смысл. Жесткие границы, скажем, между христианством и исламом, не говоря уже о перегородках между католицизмом и православием, шиитской и сунитской ветвями ислама, равно как и между охраняе-

Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь?

мыми ими культурно-нормативными системами, оказываются преходящими, обреченными на исчезновение.

Но то, что существовало веками и тысячелетиями, не исчезает за один день.

Социокультурная интеграция и кризис локальных культур

Происходящие под воздействием социокультурного отбора перемены накапливаются медленно, однако рано или поздно достигают «критической массы» и делают неизбежными всеобщую переоценку ценностей, гибель старых богов, отказ от «святого» и т. д. Для любого общества это — время тяжелой болезни. Но сверх того следует различать «новое», выработанное в недрах данного общества, и заимствованное «новое». Социокультурная интеграция предполагает заимствования — они сокращают «опыты быстротекущей жизни», ускоряют развитие. Однако они же резко усиливают болезненность перемен: приходится отказываться не просто от старого во имя нового, но от «своего» во имя «чужого». Да и сама стремительность перемен как результат перенесения готового опыта чрезвычайно обостряет вызываемый ими шок.

Втягиваясь в социокультурную интеграцию, всякое общество одновременно вступает в полосу глубокого внутреннего кризиса, чреватого драматическими и острыми конфликтами, причем конфликтами особого рода.

Трудно представить себе общество, не знающее конфликтов. Всегда есть бедные и богатые, эксплуататоры и эксплуатируемые, есть, стало быть, почва для недовольства, возмущения, даже бунта. Но есть и сложившаяся, стабильная, освященная традицией, религией, одним словом культурой, система отношений, которая позволяет снижать градус недовольства и преодолевать время от времени вспыхивающие кризисы.

Конфликты и кризисы переломных эпох имеют иную природу и иную глубину. По инерции их часто пытаются описывать с помощью привычных клише («богатые стали богаче, бедные — беднее» и т. п.), и это действует на толпу, но ничего не объясняет. Ибо в такие эпохи главный источник неудовлетворенности, недовольства, напряженности — утрата старых богов, потеря ценностных ориентиров, которые переносятся гораздо более болезненно, чем самая острая материальная нужда, особенно если приходится, как это и бывает при догоняющем развитии, усваивать не просто новые, но «чужие» ценности. Как ни велики были материальные трудности огромной части россиян в недавние 90-е годы, их даже отдаленно нельзя сравнить с лишениями, выпавшими на долю жителей страны, скажем, во время Второй мировой войны. Уровень же массового недовольства сейчас несравнимо выше, чем тогда, причем недовольство очень часто захватывает и тех, кому грех жаловаться на бедность и неустроенность, чье благосостояние да и общее качество жизни за последние 10—15 лет явно улучшились. В глубине души они могут и понимать, что иного пути у страны нет, но их мучает чувство унижения за то, что приходится учиться жить «по-западному», «по-американски», вписываться в стратегию глобализма и т. д.

И всегда находятся люди и группы людей, которые ценят это недовольство на вес золота. Ибо оно — главное топливо политических котлов, которые докрасна раскаляются именно в такие переломные эпохи.

Хотя социокультурный отбор — объективный процесс, его носители — всегда конкретные люди и целые социальные слои, те, чьим интересам отвечают назревшие перемены, кто отдает предпочтение новым формам и нормам жизни, выступает в качестве проводников движущего отбора. У них всегда есть противники, стоящие на страже сложившегося порядка вещей, а значит, и стабилизирующих функций отбора. Политическая борьба — один из механизмов (к счастью, не единственный), с помощью которого реализуется отбор в обоих его видах, а всякая политическая борьба нуждается в идеологии (точнее, в идеологиях — каждая борющаяся сторона имеет свою), способной перевербовать на свою сторону побольше недовольных.

Идеологемы «однолинейности» и «рядоположенности» — та рассада, из которой вырастают идеологические цветники. Какая из них больше отвечает ситуации нынешнего российского кризиса социокультурной идентичности? Ведь России и впрямь пришлось отказаться от многого «своего» во имя усвоения многого «чужого». Надо ли принять это как должное, видя в нынешнем выборе России торжество исторической «однолинейности», или возмутиться и подняться на защиту своей исконной «рядоположенности»?

Кризис локальных культур и разные «интеллектуальные подходы»

Тема наших чтений — «Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов». Но, как я уже имел случай заметить выше, ничто не ново в этом мире. Не очень хорошо обстоит дело и с новизной интеллектуальных подходов: дай Бог разобраться со старыми.

Нынешняя российская ситуация не настолько оригинальна, чтобы она могла породить спрос на новые подходы. И российской интеллектуальной элите, и интеллектуалам других стран не раз приходилось искать ответы на вопросы, возникающие в переломные эпохи, когда время требует серьезной переоценки ценностей и разгораются споры между сторонниками и противниками перемен.

И те и другие ищут опору и, как ни странно, находят ее в одной и той же культуре.

Казалось бы, сложившаяся, достигшая расцвета культура должна служить опорой консерватизма, ибо охрана достигнутой социальной устойчивости — одна из главных задач культуры, представляющей собой, по сути, обобщение, свод норм, правил, социальных приоритетов, этических и эстетических предпочтений, отобранных временем, укорененных в самой жизни, получивших смысл непреходящих ценностей.

Но именно потому, что культура живого общества не может быть мертвой, она чутко прислушивается ко всем переменам и пытается интегрировать их в уже сложившуюся систему действий и представлений. Увы, даже при самой большой способности культуры к самообновлению, такая задача может оказаться неразрешимой из-за несовместимости новых и старых ценностей.

Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь?

Культура в ее высших проявлениях — в случае России, например, в творчестве Толстого или Достоевского — пытается сочетать глубинный консерватизм с пронизательной критикой сущего. Отсюда — всеохватность литературных или художественных шедевров. Но на рядовом уровне, на уровне массового сознания персонажируются крайние позиции: охранительный консерватизм и обновленческий радикализм становятся плоскими, одномерными, расходятся по противоположным лагерям, демонстрируют свою взаимную непримиримость, начисто отрицая правоту противоположной позиции и не желая вспоминать общность своего происхождения от одного культурного корня.

Более того, на первый план обычно выходит именно подчеркивание взаимной чуждости старого и нового, взаимоисключающих достоинств истинно национальных, «почвеннических» ценностей, с одной стороны, и «прогрессивных», «космополитических», универсалистских ценностей — с другой. Есть ли правда и «глубина» в каждой из этих позиций? Конечно, есть. Но значит ли это, что обе позиции равноценны?

Если рассматривать их как рядоположенные, то почему бы и нет? Кто вправе делать выбор между Обломовым и Штольцем, осуждать или оправдывать того или другого? Можно сколько угодно морализировать по поводу каждого их поступка, но до единодушного приговора дело не дойдет никогда. И если подходить с такими же критериями к национальным культурам, то результат будет тот же. Но для того, чтобы такой подход был оправданным, надо **заранее** признать их «рядоположенными», исключив идею общечеловеческого развития. Именно в таком априорном признании рядоположенности — главный смысл консервативной идеологии непреодолимых перегородок между «культурно-историческими типами» (Гердер, Данилевский, Шпенглер и т. д.).

Почему эта идеология так живуча и так популярна в интеллектуальной среде? Известны слова Маркса о том, что анатомия человека дает ключ к пониманию анатомии обезьяны. Я понимаю эти слова в том смысле, что, находясь в конце пройденного участка дороги, можно видеть его целиком, сравнивать то, что стало, с тем, что было. А вот зная только анатомию обезьяны, анатомии человека не понять, да ее еще и нет, путь к ней только начинается. Ситуация асимметрична, идея развития гораздо более понятна в конце пути, нежели в его начале.

Культурно-психологическая доминанта в обществах, вступающих на путь догоняющего развития, такова, что она никак не способствует осознанию этой асимметрии. Даже очень умные люди часто плохо понимают идею развития, а иной раз и выступают против нее с крайней агрессивностью.

«У меня вообще слабо сознание длительного процесса во времени, процесса развития, — признавался Бердяев на исходе жизни. — Все мне представляется не переходным, а конечным... Я всегда философствовал так, как будто наступает конец мира и нет перспективы времени. В этом я очень русский мыслитель и дитя Достоевского» [Бердяев 1949—1983, с. 337].

Идея направленной в одну сторону стрелы времени и тесно связанная с нею идея дарвиновского отбора — даже в его чисто биологическом варианте — вызывают отторжение у консервативных мыслителей. Достаточно вспомнить борьбу с дарвинизмом Н. Данилевского — биолога по специальности — или яростные инвективы Шпенглера («Телеология — это карикатура идеи судьбы. Что

Данте чувствует как предназначение, ученый превращает в цель жизни. Такова действительная и глубочайшая тенденция дарвинизма, этого космополитически-интеллектуального мировосприятия абстрактнейшей из всех цивилизаций, и растущего с ним из единого корня, равным образом умерщвляющего все органическое и судьбоносное материалистического понимания истории» [Шпенглер 1993, с. 277]. Дарвинизм стоит у Шпенглера едва ли не во главе (впереди — только социализм) длинного списка того, что «предназначено не для мирочувствования деревенского и вообще естественного человека, но исключительно для столичного мозгляка» [Шпенглер 1993, с. 168]).

По существу Шпенглер противопоставляет научному иной интеллектуальный подход, «научному опыту» — «идею судьбы», каузальной «логике понимания» — «инстинктивную, сновидчески достоверную логику жизни». «"Судьба" — это слово для не поддающейся описанию внутренней достоверности. Сущность каузального проясняется физической или теоретико-познавательной системой, числами, понятийным анализом. Идею судьбы можно сообщить, только будучи художником, — через портрет, через трагедию, через музыку» [Шпенглер 1993, с/ 273].

Кто станет оспаривать эвристическую ценность интуитивных художественных форм? Но все же попытка в XX веке осмыслить происходящие вокруг тебя исторические события, отказавшись от чисел и понятийного аппарата, выглядит большой натяжкой.

Не на таких ли натяжках построена вся концепция «рядоположенности»?

А что же Россия?

Не признавать «однолинейности» — значит не просто видеть какие-то различия между цивилизациями, но полагать, что существуют разные «линии развития». Что же это за линии? Можно ли всерьез предполагать, что какие-то страны или народы в современном мире захотят и смогут остаться в стороне от развития промышленности, городов, средств коммуникации, образования, медицины и всего остального, что придумано «Западом»? А если нельзя, то что остается от «рядоположенности»? Выдуманная «плоскость» однолинейности, якобы предполагающей полное стирание различий между народами. Но ведь и Данилевский, говоря о романо-германской цивилизации, не думал, наверное, что немцы, французы и итальянцы совершенно одинаковы.

Правда, совсем еще недавно нам самим казалось, что мы-то как раз и нашли «другую линию». Ведь неслучайно мы так яростно боролись с любыми намеками на «конвергенцию», при том что безумно гордились всем тем, что хоть как-то сближало нас с ненавистным Западом, — ростом промышленности, городов, образования, секулярного мышления, современного здравоохранения и т. п. Но многое «западное» нам не давалось — ни их благосостояние, ни их здоровье, ни их правовая защищенность личности — и все это оправдывалось официальным клише о непреодолимых различиях общественного строя, которое запрещало даже хотеть то, чего у нас не было (а у них было). Но в конце концов пришлось — вот она, сила отбора! — отказаться от столь ценной оригинальности, принять и рыночную экономику, и парламентаризм, и «буржуазные свободы». Тогда и многие старые клише осыпались в одночасье.

Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь?

Но свято место пусто не бывает. Идея особости России была выдумана не советскими идеологами. У нас, как и везде, она — отражение внутреннего конфликта «старого» и «нового», идеологического позиционирования сторонников того и другого. Ничего придумывать не пришлось. Советские изоляционистские клише были перелицовкой старых консервативных формул дореволюционного времени, к этим формулам и вернулись. И будто сегодня сказанные звучат слова Милюкова: «Хранителями национального самосознания являются группы, программа которых имеет целью сохранение остатков прошлого и дальнейшее распространение национального типа, тогда как выразителями общественного самосознания становятся другие группы, занятые преимущественно устройством лучшего будущего» [Милюков 1992, с. 141].

То, что Россия не Америка и никогда не станет Америкой, мало у кого вызывает сомнения. Но значит ли это, что Россия все еще не вырвалась на универсальный, общемировой путь и остается в своей локальной цивилизационной нише, сформированной «ржаным полем»?

Можно назвать тысячи признаков, по которым русские отличаются от немцев, французов, американцев или японцев, миллион факторов, объясняющих это различие. Но положение будут точно таким же, если мы станем сравнивать немцев, французов, американцев и японцев между собой.

Надо, стало быть, выделить какие-то существенные признаки, позволяющие не просто судить о многообразных сходствах и различиях, а видеть главное. Может быть, надо даже, вопреки Шпенглеру, пользоваться каким-то понятийным аппаратом и какими-то числовыми измерителями.

Я думаю, что надо сравнивать не Ивана с Фрицем или Джоном, а российское общество — с западными. В начале XX в. по всем основным параметрам — отраслевой структуре экономики, типам собственности, социальному составу, соотношению городского и сельского населения, уровню образования или гигиены, семейному и демографическому поведению и т. п. — Россия кардинально отличалась от своих европейских соседей, это были разные миры («Золотая дремотная Азия опочила на куполах»). Сейчас этого разрыва нет, есть только остаточные различия, свидетельствующие о незавершенности у нас процесса «вестернизации». Но то, что по фундаментальным характеристикам Россия — это общество «западного» типа, что линия развития у нас одна и та же, мне кажется, не может вызывать сомнения.

Литература

- Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) // Собр. соч. Т. 1. Изд. 2-е испр. и доп. Paris: YMCA-PRESS, 1949-1983.
- Вишневский А.* Процессы самоорганизации в демографической системе // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: «Наука», 1986.
- Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука М.: «Мысль», 1983.
- Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. М.: Изд. МГУ, 1992.
- Шмальгаузен И.И.* Факторы эволюции: Теория стабилизирующего отбора. М.: «Наука», 1968.
- Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки мифологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: «Мысль», 1993.
- Эйген М.* Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М.: «Мир», 1973.